

УДК 930.85:82.091 (История цивилизации. История культуры. Сравнительно-исторические литературоведческие исследования)

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТИХИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ «БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2018 А.П. Власкин, А.В. Петров, К.Н. Савельев

*Власкин Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения.
E-mail: apvmgn@mail.ru*

*Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения.
E-mail: alexpetrov72@mail.ru*

Савельев Константин Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения. E-mail: savakos@mail.ru

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
Магнитогорск, Россия

Статья поступила в редакцию 30.03.2018

Предметом исследования в статье является прямое и опосредованное отношение героев к литературе. В литературной стихии мы выявляем фактор формирования образов. Используются два аспекта внимания: герои в роли «читателей» и «писателей». У героини эпистолярного романа (Варя Доброселова) читательские пристрастия более развиты и постоянны. Она в равной мере ценит произведения Пушкина и Гоголя, инстинктивно не принимая псевдолитературу. У героя (Макар Девушкин) литературный вкус изначально неразвит, но динамично меняется по ходу сюжета. В статье дается краткий обзор этой эволюции. «Перерастая» увлечение псевдолитературой, Макар увлекается Пушкиным и Гоголем. Их произведения он принимает близко к сердцу и в результате кардинальным образом их различает. Он превозносит Пушкина за правду отражения жизни «маленького человека» и негодует на Гоголя за подобную же правду. Разница сказывается в авторской позиции: в первом случае выражается сочувствие, во втором – обличение. С развитием литературной чуткости и вкуса к подлинной литературе у Макара проявляются признаки творчества и в его собственных письмах.

Вывод: По динамике внутреннего развития образ Макара как героя первого романа остался непревзойденным даже в поздних произведениях Достоевского. Таким образом, центральный образ явился выражением идеи писателя о «восстановлении» человека в его подлинном достоинстве.

Ключевые слова: Достоевский, литературный вкус, псевдолитература, эпистолярное творчество.

О литературной стихии в романе «Бедные люди» написано много по ряду причин [1]. Она в этом произведении наглядно выражена. Герои здесь много читают, обмениваются впечатлениями. Среди них есть «настоящие» писатели (Ратазьяев) и те, кого можно условно рассматривать как «писателей» (Макар и Варенька). Поэтому в литературной стихии следует видеть дополнительный фактор формирования образов. В этом направлении шло развитие научных представлений. Прежде акцент делали на литературных впечатлениях героев (например, В.Я. Кирпотин); в последнее время много внимания уделяют творческим притязаниям персонажей (В.Н. Захаров). Мы предлагаем ряд дополнительных наблюдений, которые проясняют роль литературной стихии в мире Достоевского. Для этого используем два аспекта внимания: герои как «читатели» и герои как «писатели».

Макар Девушкин и Варя Доброселова по-разному относятся к литературной среде. При этом положение Вареньки можно считать «нормальным»: у нее нет сомнительных литературных знакомств, зато более развит литературный вкус. Она не знает Пушкина и Гоголя лично, но умеет ценить их произведения, т.е. хорошо знает их как читательница – авторов. Положение Макара, напротив, можно считать «неправильным», потому что литература предназначена для саморазвития, а не для того, чтобы давать повод к личным знакомствам с авторами. Но с комплексом «охотника за автографами» нелегко бороться. Он отразился и у Гоголя в известном хвостовстве Хлестакова (который «с Пушкиным на короткой ноге»). Личные контакты с авторами могут исказить как отношение к литературе, так и личный вкус – что показано на примере Макара Девушкина. У Вари вкус постоянен, а у Макара

он по ходу сюжета меняется, развивается. Дадим обзор этой эволюции.

Возьмем выражение исходного уровня (первые читательские пристрастия Макара):

«А вот обещался мне Ратазиев дать почитать чего-нибудь настоящего литературного, ну вот вы и будете с книжками, маточка. Ратазиев-то смекает, – дока; сам пишет, ух, как пишет! перо такое бойкое и слогу пропасть /.../. Объядение, а не литература! Прелесть такая, цветы, просто цветы; со всякой страницы букет вяжи!» [2, с.64].

Заметим, что здесь у Макара представление о «слоге», о качестве литературы еще наивно-примитивны. У него преобладает количественный, а не качественный подход: «слогу пропасть...». И еще важно, что литература воспринимается как продукт потребления – пища духовная ставится в один ряд с пищей телесной («объядение!»). Макар приводит выписки из сочинений Ратазиева. В этих «образцах» Достоевский полемически отразил приметы разных литературных стилей, в основном псевдохудожественных. Здесь и салонные страсти, и псевдоисторическая экзотика, и подделка под Гоголя. Во-первых, всё это достаточно характеризует Ратазиева как «автора». Он подражатель и следует любым модным образцам. Это чутко уловила Варя Доброселова и в ответном письме просит прислать какие-нибудь книги, но «только в таком случае, когда вы их не от Ратазиева получили. Он наверно даст своего сочинения, если он что-нибудь и когда-нибудь напечатал. Как это вам нравятся его сочинения, Макар Алексеевич? Такие пустяки...» [2, с.70]. Здесь Варя показывает свой развитый читательский вкус и даже тонкое чутье: она догадывается, что едва ли ратазиевские «сочинения» вообще могут быть напечатаны.

Во-вторых, понравившиеся Макару образцы характеризуют его самого. Он оказывается падок на всё броское, яркое, экзотичное. Это простиительно человеку, который только приобщается к литературе и ждет от нее чего-то «особенного», отличного и отвлекающего от тягот обыденной жизни с ее однообразием. Макар ожидает от литературы пока еще приукрашивания жизни, чтение должно «подсластить» ему горькое существование. Здесь угадывается подсказка Достоевского: чувства и страсти в жизни униженного человека – дефицит, и такой читатель инстинктивно ждет от литературы, что она ему возместит недостаток духовности в бездушной действительности.

Обратим внимание еще на то, как комментирует сам Макар предлагаемые Варе образцы «ратазиевщины»:

«Ну вот, я вас спрошу, маточка, после этого – ну, как вы находите? Правда, немножко вольно, /.../ но за то хорошо. Уж что хорошо, так хорошо!» [2, с.66].

Как видим, у самого Макара не находится слов для конкретного мнения. Его впечатление самое неопределенное, чисто эмоциональное. Никаких конкретных достоинств в такой литературе он сам не видит и, наверное, ничего такого от нее не ждет. Лишь бы было просто «хорошо» (или просто «смешно», или «страшно»).

Первоначальные увлечения Макара литературным суррогатом находят себе объяснение и в будущей сюжетной роли героя. На такую роль указывает Г.К. Щенников:

«Во всех его литературных откликах проявляется одна потребность: «примерить» к себе /.../ чувства героев сентиментальных и романтических сочинений. Эта восприимчивость к чужой культуре делает его способным позднее разом окинуть взглядом все этажи Гороховой, попытаться оценить нравственный уровень обитателей разных этажей каким-то общим, «надэтажным» критерием» [3, с.30].

Очевидно, что впечатления Макара от произведений Пушкина и Гоголя резко выделяются из общего ряда его прежних литературных впечатлений. Каковы конкретные причины этих отличий?

Во-первых, герой приобщается к подлинной литературе, и это должно было отразиться в его душе особым образом. Заметно, что и говорит Макар о «Станционном смотрителе» подробнее и конкретнее, чем о «ратазиевщине». И главное – что именно он говорит:

«...Случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена. Да и что самому прежде не в догад было, так вот здесь, как начнешь читать в такой книжке, так сам всё, помаленьку, и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь» [2, с.74].

То есть главный мотив высокой оценки такой литературы – это ее познавательный эффект. На первый взгляд, псевдолитература должна давать читателю больше в этом отношении. Но Макар чувствует и понимает, что лучше глубже узнать жизнь, как она есть, чем красивые о ней выдумки.

То же самое можно сказать об оценке Макаром «Шинели» Гоголя, хотя здесь его мнение совсем иное. Дело в том, что Гоголь слишком мно-

гое узнает про «маленьких людей» (значит, и про самого Макара) и разоблачает их в глазах читающей публики. При этом страдает целомудрие героя. Литература оказывается даже чрезмерно познавательной:

«Прячешься иногда, прячешься, /.../ из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, всё напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено! Да тут и на улицу нельзя показаться будет; ведь тут это всё так доказано, что нашего брата по одной походке узнаешь теперь» [2, с.79].

Во-вторых, отношение Макара к Пушкину и Гоголю выделяется еще и по другой причине. Здесь, по наблюдению С.Г. Бочарова, сработал тонкий замысел Достоевского:

«В этой оригинальной, изобретенной «новым писателем» ситуации герой и вправду как бы выходит из литературной традиции своего изображения и судит ее. Он узнаёт себя и у Пушкина и у Гоголя и так или иначе признаёт правду того и другого изображения. Но одна правда вызывает его умиление и благодарность, другая – его возмущение» [4, с.179].

Для нас важно заметить, что впечатления Макара от Пушкина и Гоголя не остаются в романе «разовыми». Можно проследить, как герой в следующих письмах снова и снова возвращается к ним. Особенно часто (иногда в явном, иногда в косвенном виде) встречаются отзвуки гоголевских впечатлений – очень уж глубоко задел этот писатель Макара за живое. Приведем ряд примеров.

После неудачной попытки героя «потребовать ответа» у обидчиков Вареньки (его сбросили с лестницы) он пишет:

«...Амбиция моя пострадала, но ведь этого никто не знает, из посторонних-то никто, кроме вас, не знает; ну, а в таком случае, это все равно, что как бы его и не было» [2, с.85].

Здесь отзвук Гоголя косвенный: главное, что «посторонние», «пасквилянты» об этом случае не узнают. Гениальный реалист Гоголь пишет такие похожие на правду «выдумки», которые обиднее всяких фактов. А вот остающиеся в тайне факты не так обидны («всё равно что и не было»).

Но в следующем письме Макар уже дает прямой и развернутый, с обоснованиями, отпор тем, кто хотел бы о нем «всё» узнать (как Гоголь). Он поясняет, имея в виду реалистов гоголевского типа:

«Он, бедный-то человек, /.../ прислушивается к каждому слову, – дескать, не про него ли там что говорят? Что вот, дескать, что же он такой неказистый? что бы он такое именно чувствовал? что вот, например, каков он будет с этого боку, каков будет с того боку? И ведомо каждому, Варенька, что бедный человек хуже ветошки и никакого ни от кого уважения получить не может, что уж там ни пиши! /.../ Ведь вы перед всеми /.../ разоблачаться не станете; вот так точно и бедный человек не любит, чтобы в его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то там его отношения будут семейные – вот» [2, с.86, 87].

Можно заметить: чем больше сам Макар – по сюжетным обстоятельствам – соответствует Акакию Акакиевичу, тем живее ему вспоминается пронизательность Гоголя. Это для него как незаживающая рана, которую он сам растревает. Сразу по свежему впечатлению от повести он горько заметил, что «нашего брата по одной походке узнаешь теперь». А теперь возвращается к тому же самому мотиву: «смотрят, всей ли ногой на камень ступаешь, али носочком одним».

Пушкинские впечатления Макара носят совсем иной характер. О «Станционном смотрителе» герой после своего первого подробного отзыва больше не говорит. Зато сам роман в письмах начинает всё больше напоминать сюжет пушкинской повести. Основные повороты в судьбах героев не совпадают, но ходят друг на друга. Как и Дуню, Вареньку соблазняет уехать чужой человек. Для обеих героинь такой поворот судьбы оказывается спасением. В обоих случаях подчеркиваются признаки материального благополучия. Мы помним разодетую Дуню в финале повести на могиле отца, а Варя перед отъездом окунается в милые женскому сердцу заботы о покупках.

Но у Достоевского, как и у Пушкина, в центре внимания герой, а не героиня. И поэтому важнее, что судьбы главных героев повести и романа оказываются сломаны ценой женского спасения. Ни Самсон Вырин, ни Макар Девушкин не могут примириться с потерей самых дорогих для них существ. Можно сказать, что Макар как бы предугадывал свою судьбу, когда чуть не плакал над судьбой пушкинского героя:

«Меня чуть слёзы не прошибли, маточка, когда я прочёл, что он спился, грешный, /.../ и спит себе целый день под овчинным тулупом, да горе пуншиком захлёбывает, да плачет жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминает о заблудшей овечке своей /.../. Дело-то оно

общее, маточка, и над вами и надо мной может случиться. И граф, что на Невском или на набережной живет, и он будет то же самое, /.../ всё может случиться, и со мною то же самое может случиться» [2, с.75].

Это стало нечаянным «пророчеством» героя, которое сбудется в финале романа.

Укажем еще на один важный нюанс. В последнем письме Макара «вдруг» упоминается о пушкинской повести:

«У меня еще ваша книжка осталась одна, *Белкина Повести*, так вы ее, знаете, маточка, не берите ее у меня, подарите ее мне, мой голубчик. Это не потому, что уж мне так ее читать хочется. Но сами вы знаете, маточка, подходит зима; вечера будут длинные; грустно будет, так вот бы и почитать» [2, с.135].

Название здесь искажено (оно дано курсивом в тексте романа), но это не может обмануть читателей. Абсолютно ясно, что Макар помнит «Станционного смотрителя» не хуже, чем «Шинель». И не случайно он просит Вареньку оставить ему на память именно эту книгу. Здесь можно возразить В.Б. Шкловскому, который комментировал так: «Пишет он про Варину служанку Федору, хочет переезжать к ней на квартиру, то есть на старую квартиру Вареньки:

«Я ваше шитье рассматривал. Остались еще тут лоскуточки разные. На одно письмецо мое вы ниточки начали было наматывать». У бедного человека остается один мусор и брошенная комната» [5, с.47].

Но исследователь обходит вниманием «Повести Белкина», а это уж никак не «мусор».

Перейдем теперь ко второй точке зрения на роль литературной стихии в «Бедных людях». В образе Макара уже выделяли творческие наклонности (см., например, работу Г.М. Фридендера, статью В.Н. Захарова). Действительно, вполне законно впечатление, согласно которому Макар Девушкин по воле Достоевского из скромного переписчика бумаг (чужих бюрократических «сочинений») превращается в писателя. На это указывал в своё время и В.Б.Шкловский, вновь сопоставляя Макара с Варей:

«Книжность делает героев интеллектуальными в противоположность почти бессловесному Акакию Акакиевичу. Герои Достоевского пишут своеобразно, но писать они умеют, умеют и читать. У Макара /.../ в бесчисленных уменьшительных словах сказывается определенная раздвоенность человека, мизерность его, но она изменяется в ходе романа» [5, с.32].

О стиле писем Девушкина писали и даже спорили, а это значит, язык героя давал поводы для исследований, оказываясь удобным объектом для них. Так исследуют обычно только язык писателя. Значит, стиль писем Девушкина - достаточно сложен и показателен, чтобы говорить о сочинителе писем как об авторе в значении литературном. Есть и прямой повод к такому подходу: сам герой не раз в своих письмах «применяет» к себе роль писателя. Уже в первом письме он обещает Вареньке:

«Постойте, я вас потешу, маточка; опишу их в будущем письме сатирически, т.е. как они там сами по себе, со всею подробностью» [2, с.20]. Заметим, что позднее самого Гоголя Макар будет упрекать именно в подобном подходе: «Так после этого и жить себе смирно нельзя, /.../ чтобы и в твою конуру не пробрались, да не подсмотрели – что дескать как ты себе там по домашнему» [2, с.78].

Вначале Макар как «писатель» еще достаточно скромен и сам себя всерьез не принимает. Например, после творческого подъема в первом письме далее, во втором, ему приходится уже оправдываться:

«Досадно, что я вам написал так фигурно и глупо. /.../ На душе ни с того, ни с сего такой праздник был; весело было! /.../ Уж потом только как осмотрелся, так всё стало по прежнему – и серенько и темненько. /.../ Да и я всё такой же; так каким был, совершенно таким же и остался, – так чего же тут было на Пегасе-то ездить?» [2, с.23–24].

И все-таки переменчивое отношение к литературным «занятиям» (чужим и своим) у Макара остается и по сюжету развивается. Он не раз проговаривается, что пробует писать. Например:

«А вот у меня так нет таланту. Хоть десять страниц намарай, никак ничего не выходит, ничего не опишешь. Я уж пробовал» [2, с.58].

Можно догадаться, что он пробовал именно сочинять, ведь речь идет уже не о письмах. Но даже в письма он то и дело старается внести элемент литературности, работает над стилем. Он и сам в этом признается. Вот один пример:

«Горе-то моё, Варинька, хотел я вам описать пополам с шуточкой, только видно она не дается мне, шуточка-то. Вам хотел угодить» [2, с.100].

Макар не совсем справедлив к себе, у него встречаются выражения очень оригинальные, именно творческие. Например, приведенный уже оборот из второго письма: «...так чего же тут

было на Пегасе-то ездить?». Или другое выражение: «...Я обомлел да и уши заткнул. Да дело-то в том, что другие своих ушей не затыкали, а напротив, развесили их» [2, с.84]. Но все-таки Макар знает себе настоящую цену и остается скромным. В его настроениях и самооценке чаще угадывается принцип: «Если бы все сочинять стали, так кто же бы стал переписывать?» [2, с.60]. Но когда он восхищается «профессионалом» Ратазиевым и корит себя, то можно угадать, что он не оставляет мечты о литературных успехах. Например:

«И пожалеешь, Варинька, о себе, что сам-то не того, да не так; что по пословице – вырос, а ума не вынес. Ведь что я теперь в свободное время делаю? – Сплю, дурак-дураком. А то бы вместо спанья-то ненужного можно было бы и приятным заняться; этак сесть бы да и пописать. И себе полезно и другим хорошо» [2, с.64–65].

Далее в этом своем письме Макар приводит известные примеры из «шедевров» Ратазиева и затем (конечно, не случайно) снова сбивается на мечты, воображает самого себя стихотворцем. Однако примечательно, что его волнует в конечном счете:

«А я про себя скажу, маточка, что как моя книжка-то вышла бы в свет, так я бы решительно тогда на Невский не смел показаться. Ведь каково это было бы, когда бы всякий сказал, что вот-де идет сочинитель литературы и пиита Девушкин! /.../ Ну, что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у сочинителя Девушкина сапоги в заплатках!» [2, с.67].

Получается, что даже в самых смелых мечтах Девушкина останавливает только один, как бы главный критерий самооценки – внешний вид, его несурзанность, мнительная оглядка на возможный косой взгляд. В этом можно видеть еще один косвенный отклик на гоголевскую «Шинель». Там шинель была «пределом мечтаний», а здесь обносившиеся сапоги могут положить «предел мечтаниям».

По ходу переписки у Макара «слог становится». Но можно заметить, что дело не в одном «слоге». В обычные задачи переписки (поделиться горем и радостями, отвести душу и т.д.) проникают и другие, с литературно-творческим оттенком. Например, примечательны в одном из писем Макара рассуждения на тему достойного и недостойного смысла жизни (о сапожнике и «богатейшем лице»). И трижды при этом герой подчеркивает, что говорит иносказательно. Всё это

оттесняет обычные задачи писем на задний план, а на передний выводит задачи едва ли не философские. Интересно и подведение итогов рассуждениям:

«Это, может быть, слишком вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бывает, иногда приходит, и тогда поневоле из сердца горячим словом выбивается» [2, с.114].

Это уже напоминает поэтическую декларацию.

Обратим внимание, что впоследствии в письме Макара больше уже не проникают выражения раскаяния в тяге к литературным занятиям и самоуничижительные характеристики. Наоборот, всё чаще встречаем яркие образные выражения. Например:

«Голубчик вы мой! Как вспомню об вас, так точно лекарство приложу к больной душе моей, и хоть страдаю за вас, но и страдать за вас мне легко» [2, с.116].

Заметим, что здесь Макар избавляется от прежнего «цветистого» украшательства слога, и взамен приходит настоящая образная красота искренней душевности.

Еще одна перемена происходит в письмах Макара в связи с литературными задачами. Вначале он не различал этих задач и начинал то и дело сочинительствовать, упражняться в слоге как бы стихийно, случайно. В поздних письмах он уже сознательно относится к своим впечатлениям и различает – когда удобно, а когда неуместно работать над слогом. Вот один из примеров такой «писательской сдержанности»:

«Пишу к вам вне себя. Я весь взволнован страшным происшествием. Голова моя вертится кругом. /.../ Вот что случилось! – Расскажу вам без слога, а так, как мне на душу Господь положит» [2, с.116].

Итак, получается, что литература в судьбе центрального героя романа "Бедные люди" постепенно занимает всё более заметное и самостоятельное место и играет свою типичную роль – воспитывающую и развивающую. Можно утверждать, что Достоевский сознательно подчеркивает в романе эволюцию Макара Девушкина через его меняющееся отношение к литературе (как читателя) и к задачам своих писем (как «писателя»).

Обратим внимание на последнее письмо Макара – оно остается без даты и, видимо, без адреса. Этому есть обыденное объяснение: герой не знает точно, где теперь искать «бесценную

Варвару Алексеевну». Но одновременно можно увидеть здесь и логичное завершение литературной судьбы Макара. В своем последнем письме этот герой как будто перерастает сам себя, он обращается не столько к Вареньке, сколько к любому читателю. Поэтому конкретный адрес уже и не нужен, письмо адресовано сразу «всем» (хотя сам Макар этого не задумывал, тут уже выражена воля и мнение романиста Достоевского).

Еще заметим, что это последнее письмо Макара символически перекликается с последним письмом Вареньки, которое осталось только начатым и недописанным. Строго говоря, оно не последнее. О нем упоминает Макар, когда описывает покинутую квартиру Вари: «В столике нашел бумажки листочек, а на бумажке написано – «Милостивый государь, Макар Алексеевич, Спешу...» – и только» [2, с.135]. Дальше в романе будет еще одно, прощальное письмо Вареньки. Но нам кажется, что ее недописанное письмо перекликается с безадресным последним письмом Макара. Можно представить иносказательно так: ее письмо может бесконечно «додумываться» тоскующим Макаром, а его собственное – вечно искать адресата. В связи с этим еще раз вспомним мнение В.Б. Шкловского по поводу итогов романа и еще раз возразим: недописан-

ное письмо Вари, как и «Повести Белкина», – далеко не «мусор» для оставшегося в одиночестве Девушкина.

Герои поздних романов затмили Девушкина по многим показателям (умнее, добрее, сложнее и т.д.). Но можно считать и так, что по динамике внутреннего развития герой первого романа остался непревзойденным никем. По этому показателю к нему ближе всего стоит Аркадий Долгоукий из «Подростка». И не случайно этот роман написан от лица героя. В первом были письма, в позднем – «исповедь». В обоих случаях герои растут духовно, когда выражают себя письменно, через слово.

Таким образом, Макар Девушкин оказался первым выражением великой идеи Достоевского – идеи восстановления человека в его подлинном достоинстве. В свете традиции, Достоевский как бы подхватывает эстафету у Гоголя и осуществляет его мечту – написать продолжение «Мертвых душ», историю их оживления и воскресения. В свете новаторства, Достоевский раз и навсегда оспорил обидный ярлык – «маленький человек». Макар Девушкин у Достоевского обернулся «большим» или, правильнее сказать, просто «человеком», у которого нет количественного масштаба.

1. См., напр.: Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., Наука, 1976. 511 с.; Кирпотин В.Я. Достоевский. Избр. Работы в 3 т, т.2. М., Худож. литература, 1978. 485 с.; Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. М.-Л., Наука, 1964. 403 с.; Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. Екатеринбург, Изд-во Урал, ун-та, 1987. 349 с.; Захаров В.Н. Дебют гения // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. В 16 т., т.1. Петрозаводск, ПетрГУ, 1995. С.609–685.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. В 16 т., т.1. Петрозаводск, ПетрГУ, 1995. 685 с. (В цитатах по этому изданию используется авторская орфография и пунктуация.)
3. Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. Екатеринбург, Изд-во Урал, ун-та, 1987. 349 с.
4. Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., Сов. Россия, 1985. 296 с.
5. Шкловский В.Б. За и Против. Заметки о Достоевском. М., Сов. писатель, 1957. 260 с.

THE LITERARY ELEMENT IN THE ART WORLD OF "POOR PEOPLE" BY F.M. DOSTOEVSKY

© 2018 A.P. Vlaskin, A.V. Petrov, K.N. Savelyev

Alexander P. Vlaskin, Doctor of Philology of the Department of Language and Study of Literature.

E-mail: apvmgn@mail.ru

Aleksey V. Petrov, Doctor of Philology of the Department of Language and Study of Literature.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Konstantin N. Savelyev, Doctor of Philology of the Department of Language and Study of Literature.

E-mail: savakos@mail.ru

Nosov Magnitogorsk State Technical University. Magnitogorsk, Russia

The direct and indirect attitude of the characters to literature is the subject of the research in the article. The factor of image formation is revealed in the literary element. Two aspects of attention, the heroes in the role of "readers" and "writers", are used. The heroine of the epistolary novel is Varya Dobroselova whose reader's preferences are more developed and constant. She equally appreciates the works of Pushkin and Gogol and does not instinctively take pseudo-literature. The hero's (Makar Devushkin) literary taste is initially undeveloped, but dy-

namically changes in the course of the plot. The article shows a brief overview of this evolution. Makar "outgrowing" the fascination with pseudo-literature is fond of Pushkin and Gogol. He takes their works to heart and radically discerns them as a result. He extols Pushkin for the truth of reflecting the life of the "little man" and is indignant at Gogol for the same truth. The difference is reflected in the author's position. In the first case sympathy is expressed, in the second conviction. Makar shows the signs of creativity in his own letters with the development of literary sensitivity and taste for genuine literature.

Conclusion. According to the dynamics of internal development the image of Makar as the hero of the first novel remained unsurpassed even in the later works of Dostoevsky. Thus, the central image was the expression of the writer's idea of "restoring" a person in his true dignity.

Keywords: Dostoevsky, literary taste, pseudo-literature, epistolary creativity

1. См., напр.: Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury (Poetics of the Russian literature). М., Nauka, 1976. 511 с.; Kirpotin V.Ya. Dostoevskii. Izbrannye raboty (Dostoyevsky. Chosen works). в 3 т, т.2. М., Khudozh. literatura, 1978. 485 с.; Fridlender G.M. Realizm Dostoevskogo (Dostoyevsky's realism). М.-Л., Nauka, 1964. 403 с.; Shchennikov G.K. Dostoevskii i russkii realizm (Dostoyevsky and Russian realism). Ekaterinburg, Izd-vo Ural, un-ta, 1987. 349 с.; Zakharov V.N. Debyut geniya (Genius's debut). *Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii. Kanonicheskie teksty* (Complete works. Initial texts). V 16 t., t.1. Petrozavodsk, PetrGU, 1995. S.609–685.
2. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii. Kanonicheskie teksty (Complete works. Initial texts). V 16 t., t.1. Petrozavodsk, PetrGU, 1995. 685 с. (V tsitatakh po etomu izdaniyu ispol'zuetsya avtorskaya orfografiya i punktuatsiya.)
3. Shchennikov G.K. Dostoevskii i russkii realizm (Dostoyevsky and Russian realism). Ekaterinburg, Izd-vo Ural, un-ta, 1987. 349 с.
4. Bocharov S.G. O khudozhestvennykh mirakh (About the art worlds). М., Sov. Rossiya, 1985. 296 с.
5. Shklovskii V.B. Za i Protiv. Zаметki o Dostoevskom (Pros and cons. Notes about Dostoyevsky). М., Sovetskii pisatel', 1957. 260 с.